

Марк Леви — «Газете»

«Мне нравилось быть иностранцем»

На прошлой неделе в Центральном доме журналиста состоялась презентация русской версии книги Марка Леви «Между небом и землей». Этот дебютный роман Леви, появившийся в 2000 году — полумистическая история о девушке, преодолевшей кому, — сразу попал в списки бестселлеров. Именно на нем основан одноименный фильм, только что вышедший на московские экраны. После презентации с Марком Леви встретился корреспондент «Газеты» Кирилл Решетников.

Правда ли, что роман «Между небом и землей» возник из сказки, которую вы рассказывали своему сыну?

На самом деле нет. Одну часть этой истории вы упускаете. Когда моему сыну было между пятью и девятью, я писал для него сказку. Каждый вечер я сочинял новый эпизод. Когда ему исполнилось девять, он уже не хотел никакой сказки, предпочитая смотреть телевизор. И мне уже не нужно было каждый вечер садиться за сказку, и это время уходило впустую. Я использовал его, начав писать другую историю, полностью отличную от сказки. И поскольку я уже не мог предназначать то, что писал, ребенку, которым пока еще был мой сын, я принялся писать для взрослого человека, которым он однажды станет.

В вашем втором романе «Где ты?» значительная роль отведена ураганам — они кардинально влияют на судьбу героев. В последнее время тема ураганов весьма актуальна, но вы ведь написали этот роман еще до недавнего цунами в Азии и «Катрины» в Америке. У вас не возникало соблазна отнестись к собственной книге как к пророчеству?

У нас с моим агентом есть такая шутка... Когда была издана моя первая книга, одна женщина вышла из коматозного состояния, пробыв в нем не то двенадцать, не то пятнадцать лет. А позже, через несколько месяцев после вы-

хода романа «Где ты?», на мир обрушилось множество ураганов. Так вот, когда я сказал моему агенту, о чем будет следующий роман, она ответила: «Вы поосторожнее с вашей книгой!» Нет, я не думаю, что это пророчество. Я думаю, что дело писателя — смотреть, слушать и размышлять. Сами по себе ураганы в «Где ты?» — это персонажи. Это не пророчество в том смысле, что я ведь не был экологом, одним из тех людей, которые говорят: вот, скоро у нас будут сильные ураганы. Я — из тех парней, кто работал в гуманитарных организациях и кто не может понять, почему где-нибудь в Нью-Йорке в операционной собираются двенадцать врачей, чтобы потратить двадцать три часа на спасение одной жизни, а за сто миль от них, в другой части мира, тысяча двести человек вот-вот погибнет в застенках за несколько минут или за несколько часов. Я — один из тех сумасшедших, кто мечтает о мире, в котором ценность жизни будет одинаковой повсюду. Я ввел в повествование ураган, потому что это явление разрушительное, а с другой стороны, нейтральное. Он не посылается из одной страны в другую, не возникает по религиозным причинам, у него другая природа. Один ваш коллега спросил меня, стал бы я писать «Где ты?» сейчас. Честно говоря, не стал бы. Потому что это был бы конъюнктурный ход. А конъюнктуру я отвергаю, особенно если она построена на гибели и бедствиях людей. Когда я начал писать этот роман, я сознавал, что есть нечто, причиняющее мне душевную боль. Вы можете открыть журнал и увидеть занимающее целую страницу фото какой-нибудь звезды, вчера скончавшейся, или, тоже на всю страницу, материал об ограблении банка по соседству с вами, во время которого погибли два человека. А в самом-самом конце вы прочтете пять строчек о том, что вчера в Китае ураган унес жизни пяти тысяч людей. Никто даже представить себе не может, что такое пять тысяч тел. Вот об этом я и хотел написать.

Вы живете в англоязычном окружении. Это влияет на вас как на писателя?

Думаю, да. Но более сложным образом, нежели только за счет разницы языков. Жизнь в чужой стране, существование в качестве иностранца — это ежедневная школа смирения. Каждое ваше действие заставляет вас делать шаг к пониманию. Ничто не открывается непосредственно, ничто не дается само собой. Всего нужно достигать. Ты должен идти людям навстречу, чтобы понимать их. И возникает ситуация, которая мне кажется совершенно замечательной, — ты не можешь быть в центре собственной жизни, только другие могут. От этого, конечно, меняется образ мыслей и действий. И неизбежно начинаешь писать по-другому.

А почему вы решили переехать в Лондон?

А вот как раз из-за всего того, о чем я только что сказал. По той причине, что мне нравилось быть иностранцем. К тому же Лондон — удивительный город, где не только ты сам пребываешь в качестве иностранца, но и окружают тебя тоже иностранцы. Потому что в Англии иностранцы почти все. Это поразительная, захватывающая циркуляция культур, религий, цветов кожи, точек зрения, и это контакт между ними. Причем, надо сказать, в очень, очень толерантной, — уважительной и цивилизованной среде.

Однако вы склонны к тому, чтобы выбирать местом действия ваших романов Америку. Почему?

(Пауза.) Потому что я — один из тех чокнутых парней, которые оставили свое сердце в Сан-Франциско. Иногда я должен забирать его оттуда, и я поселяю там моих персонажей.

До того как стать писателем, вы были преуспевающим бизнесменом. Резкая смена карьеры была, наверное, психологически трудна?

Нет, это было облегчение, сильнейшее облегчение!

Фотограф: Петр Кассин / Газета

Творческое начало

Марк Леви родился в 1961 году во Франции. С 18 до 24 лет работал в организации Красного Креста. Будучи студентом-второкурсником Парижского университета Дофина, начал заниматься бизнесом. До 1990 года работал в области компьютерной графики, основав несколько фирм в США и Франции. В начале 1990-х стал сооснователем одной из ведущих архитектурных компаний Франции Eurythmic Cloiselec. В 2000 году романом «Между небом и землей» успешно начал карьеру беллетриста. Следом вышли еще четыре романа, три из которых — «Где ты?», «Семь дней творения» и «Следующий раз» переведены на русский язык. Режиссер-постановщик короткометражного фильма «Письмо Набилы» (2004).

В романе «Следующий раз» герой отправляется на поиски загадочной картины, написанной русским художником. Это случайный выбор или за ним что-то стоит?

Это выбор по любви. Возможно, я удивлю вас, если скажу, что в моем маленьком доме висит десять картин, и четыре из них написаны русским художником.

Каким?

Я удивлю вас еще больше: я не знаю его имени, потому что я никогда не мог его прочесть. Но меня это не смущает, я просто глубоко тронут тем, что он нарисовал. Художник в романе русский по той же причине, по какой некоторые мои истории разыгрываются в Сан-Франциско.